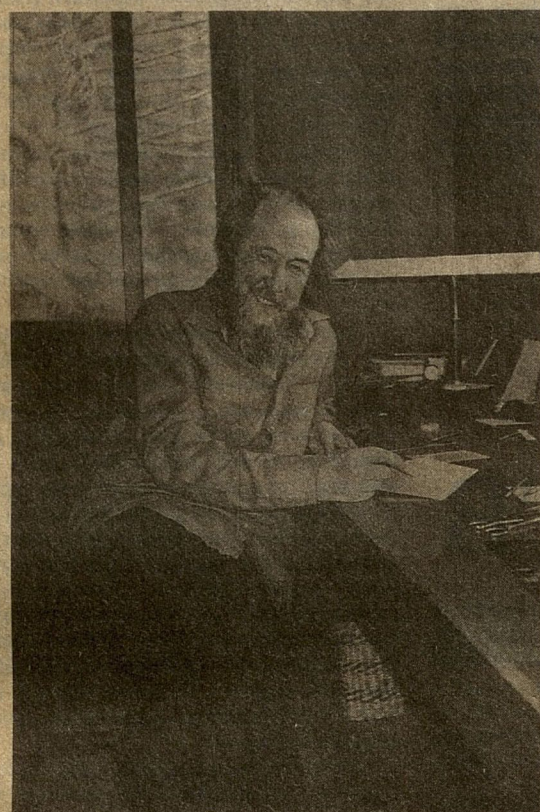

Лит. газ. - 1993 - 15 дек. - с. 3.

Александр Исаевич Солженицыну — 75 лет

За рабочим столом

С детьми и женой
Наталией Дмитриевной

Председательствовал тов. Брежнев Л.И. Присутствовали т.т. Андропов Ю.В., Гришин В.В., Громыко А.А., Кириленко А.П., Косыгин А.Н., Подгорный Н.В., Полянский Д.С., Суслов М.А., Шелепин А.Н., Демичев П.Н., Соломенцев М.С., Устинов Д.Ф., Капитонов И.В., Катушев К.Ф.

Брежнев. Во Франции и США, по сообщениям наших представителей за рубежом и иностранной печати, выходит новое сочинение Солженицына — "Архипелаг ГУЛАГ". (...) По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам.

В свое время мы посадили в тюрьму Якира, Литвинова и других, осудили их, и затем все кончилось. За рубеж уехали Кузнецов, Аллилуева и другие. Вначале пошумели, а затем все было забыто. А этот хулиганствующий элемент Солженицын разгулялся. На все он помахивает, ни с чем не считается. Как нам поступить с ним? (...)

Андропов. Я считаю, что Солженицына надо выдворить из страны без его согласия. В свое время выдворили Троцкого из страны, не спрашивая его согласия.

Брежнев. Надо учитывать, что Солженицын даже не поехал за границу за получением Нобелевской премии.

Андропов. Когда ему предложили поехать за границу за получением Нобелевской премии, то он поставил вопрос о гарантии возвращения его в Советский Союз. Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Он пытается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает ее из бывших заключенных. (...) Я считаю, что мы должны провести Солже-

ницына через суд и применить к нему советские законы. Сейчас к Солженицыну едут многие зарубежные корреспонденты, другие недовольные люди. (...) Он использует гуманное отношение Советской власти и ведет враждебную работу беззаконно. Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны. Предварительно мы попросим наших послов проинформировать у правительства соответствующих стран, могут ли они его принять. (...) Брежнев. А если его выдворить в социалистическую страну?

Андропов. Едва ли. Леонид Ильич, это будет принято социалистическими странами. Ведь мы подарим им такого субъекта. Может быть, нам попросить Ирак, Швейцарию или какую-то другую страну? (...)

Суслов. Солженицын обнаглед, оплевывает советский строй, коммунистическую партию, он заманул нас на святая святых — на Ленина. (...) Для того чтобы осуществить ту или иную меру в отношении Солженицына, надо подготовить наш народ, а это мы должны сделать путем развертывания широкой пропаганды. (...) Полянский. Надо сочетать пропагандистские меры и одновременно принимать административные меры.

Громыко. Солженицын — это враг, и я голосую за самые строгие меры в отношении его. (...) Солженицын сейчас надо окружить кордоном, с тем чтобы он эти меры бы и не видел.

ка к нему людей, через которых он может вести пропаганду. (...) Устинов. Я считал бы начать работу по осуществлению предложений, которые внес тов. Андропов. Вместе с тем надо опубликовать пропагандистские материалы, разоблачающие Солженицына.

Подгорный. (...) Давайте посмотрим, что будет более выгодно для нас, какая мера: суд или высылка. Во многих странах — в Китае открыто казнят людей: в Чили фашистский режим расстреливает и истязает людей; англичане в Ирландии в отношении трудового народа применяют репрессии, а мы имеем дело с ярым врагом и проходим мимо, когда обливают грязью все и вся. (...) Демичев. Конечно, шум за рубежом будет, но мы уже опубликовали несколько материалов о новой книге Солженицына. Нам нужно дальше развертывать пропагандистскую работу, так как молчать нельзя. (...) Это, по-моему, не повлияет на разрядку международной напряженности и на общеевропейское совещание.

Катушев. (...) Это враг, и с ним нужно поступить соответствующим образом. (...) Капитонов. (...) Если мы выдворим Солженицына за пределы страны, то как поймет это наш народ? (...) Что мы этим покажем — свою силу или слабость? Я думаю, что мы, во всяком случае, своей силой этим не покажем. (...) Соломенцев. (...) Если бы не внешнеполитические акции, которые осуществ-

лялись бы, конечно, вопрос решить, без промедления. Но как то или иное решение отразится на наших внешнеполитических акциях? (...) Гришин. Тов. Андропову, очевидно, следует поискать страну, которая согласилась бы принять Солженицына. Что касается разоблачения Солженицына, то это надо начинать немедленно. (...) Косыгин. (...) Несколькими лет Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа. Мы его как-то боимся трогать, а между тем все наши действия в отношении Солженицына народ приветствовал бы. (...) Я думаю, что для нас будет меньше издержек, если мы поступим сейчас в отношении его решительно и осудим по советским законам. (...) Нам нечего бояться применить к Солженицыну суровые меры советского правосудия. Возьмите вы Англию. Там уничтожают сотни людей. Или Чили — то же самое.

Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов; там очень холодно. (...) Подгорный. (...) Я считаю, что нашу акцию народ поддержит. (...) Я считаю, что, даже несмотря на общеевропейское совещание, нам нельзя отступать от того, чтобы не применять мер по отношению к Солженицыну. И даже независимо от того, что происходит общеевропейское со-

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН, как вифлеемская звезда в годы великой надежды, появился на небосклоне нашей словесности, повергая в изумление и восторг литературных волхов наших своей необычайной величиной и светоносной силой излучения. И многоопытный, суровый, маститый Александр Трифонович Твардовский, и виртуозный, искрометный критик наш, патриарх и вечно молодой Корней Иванович Чуковский, и мудрый, доброжелательный, но сдержанный на похвалы Самуил Яковлевич Маршак, и многие другие наши наставники торжественно возвестили о приходе нового мастера.

Явился он не с заморскими образцами невиданной доселе красоты; он вернул нам полузабытого в суматошной погоне за новым героем, устроенной нашими литературными пустопыслиями, русского мужика — пахаря и воина, святого и грешного великомученика, грешного по природе своей, поскольку родился и существовал не в составе класса-гегемона, а произшел из обреченного на растворение в прогрессивных слоях общества класса мелких собственников, то есть крестьян.

Иван Денисович, отмеченный лагерным клеймом шпиона и изменника, удивил нас своим здравым умом, сметливостью и хваткой, одновременно смирением и стойкостью необыкновенной, покорностью судьбе и неприятием в душе силы несправедливости. Одним словом, к нам вернулся герой, выпестованный многовековой историей и неподкупной литературой нашей; вернулся одновременно и в знакомом обличье труженика и страдальца, и в пугающем нас в еще невиданном дотоле образе жертвы кромешного сталинского ада. Мы ужаснулись и удивились, обрадовались неслыханно: оказывается, и там, в "мрачных пропасть земли", — увы! далеко не все, — но люди остаются людьми. Здесь — то и восстановлена была связь времен. Здесь литература из мрачных "пропасть" вывела на свет божий и ее величество историю.

Животворная связь с русской классической литературой, оборванная смертью Булгакова, Платонова, разгромом Ахматовой и Зощенко, была восстановлена в полной мере Солженицыным.

Его каторжник, без вины виноватый Иван Денисович, его великомученица Матрена, его интеллигент-страдальцы и мужественные герои из первого круга ада были провозвестниками новой литературы.

Она уже стучалась в двери и не замедлила вернуться в жизнь — современники Солженицына и младшие собраты углубились в первооснову жизни и, раскрывая социальное зло на самом низу, поддерживая все разумное и светлое, что еще сохранилось в нас, извлекли на свет божий истинные перлы живых и достоверных характеров и типов такого национально неповторимого

Борис МОЖАЕВ Мы еще помужествуем

склада, о котором, право же, со времен русской классики и слыхом не слыхано было. Иван Денисович и Матрена Солженицына, Степан Чаузов Залыгина, Присялины Абрамова, Иван Африканович Белова встали на пьедестале русской литературы вровень с Поликушкой и Платоном Каратаевым, с Хорем и Калинычем, с Савелием — богатырем савроурусским.

Высокое напряжение большой литературы перекинуло, как волшебный мост через темный прорыв времени, искрометную вольтову дугу, по которой побежали токи живительного эмоционального мироощущения, как по закону сообщающихся сосудов; и мы с радостью узнали, что мы не блуждающая формация иных миров, занесенная в пределы нашего отечества, как лишенное корней перекати-поле, а родные дети отцов своих, разумеется, другие в оттенках внешнего облика, но в основе своей национальной неповторимости мы те же. Значит, есть в нас и крепость, и сила, остойчивость. И мы еще, как говаривалось в старину, помужествуем.

Можно смело и без особых преувеличений сказать, что в истоках отечественной словесности 50 — 60-х годов стояли два мощных таланта — Александр Твардовский и Александр Солженицын, которые примером собственного творчества и мужественного поведения своего увлекли и до сих пор увлекают за собой молодые и сильные дарования. Эта литература каким-то особым чудодейственным способом перенесла оттуда, из дальних далей русской классики, необыкновенно высокие требования схождения лиц и жизненных процессов действительности с литературными персонажами и коллизиями наших произведений и неперемогимого превосходства добра и справедливости перед всеми прочими постулатами и законами словотворчества. Здесь самобытное, нравственное отношение к предмету, как говорил Толстой, доскональное и абсолютное знание его делается обязательным требованием. И с этим требованием блистательно справлялись наши писатели объективного реализма, за какую бы тематику они ни брались — за городскую или деревенскую. Деление их на городских, деревенских, военных — занятие пустое. Что из того, что Абрамов и Шукшин писали о деревне, а Домбровский, Семин, Трифонов — о городе, Воробьев — о войне? По тому, как умели прощупывать они пульс жизни, как живо и точно лепили они достоверные фигуры своих современ-

ников, как правдиво, бескомпромиссно изображали среду, — это писали родственные, близкие по убеждениям, по направлению своему многим ныне здравствующим сотоварищам Александра Исаевича Солженицына.

В свое время Георг Лукач, а вслед за ним и Генрих Бёль утверждали, что истоки Солженицына следует искать в социалистическом реализме. И предостерегали при этом писателей из социалистических стран от заимствования формальных элементов западных литератур.

Не стану спорить с ними насчет целесообразности заимствования формальных элементов западных литератур, но хочу решительно заявить, что все творчество Солженицына, отмеченное преодолением страданий и мучительным поиском жить по совести, является одной из мощных ветвей вечного древа классической русской литературы, глубоко уходящего корнями в исторические толщи народного бытия.

Недаром же с появлением в свет его произведений с трагического облика нашей истории спало хитросплетенное словесное покрывало, размалеванное плакатной размашистой кистью по вкусу и потребности лукавых временщиков, и мы ужаснулись, глядя в бездонные глазницы ненасытного Молоха.

Солженицын — явление исключительное и в литературе, и в нашей общественной жизни, и в истории нашей, наконец, еще далеко не оцененное да и не до конца понятое. Его книги вызвали восторг одних, ненависть других, сулили в основном по сиюминутной реакции, по тому резонансу, который мгновенно вызывало их появление на свет. Но их глубокий смысл, их необычный стиль, порой обманчивый в своей внешней простоте и неповторимый своей оригинальностью, — все это еще недопонято и осознано поверхностно. Серьезных исследователей его творчества ждет немало открытий не только эстетического, но и исторического характера. Его двадцать четыре тома художественного творчества и шестнадцать томов новейшей истории — это целая литературно-историческая держава, осмелюсь привести эту метафору, высказанную в свое время Леонидом Андреевым о творчестве Рериха. И это богатство принадлежит не одному Солженицыну, а всем нам, его читателям.

законодательством надо лишить его возможности связи с границей, пока ведутся следствие (...) 7

Мы в свое время не побоялись выступить против контрреволюции в Чехословакии. Мы не побоялись отлучить из страны Аллилуева. Все это мы пережили. Я думаю, переживем и это. (...) 7

Я беседовал с тов. Громыко относительно влияния наших мер в отношении Солженицына на общеевропейское совещание. Я думаю, что это не окажет большого влияния. (...) 7

Поэтому я бы считал необходимым поручить КГБ и Прокуратуре СССР разработать порядок привлечения Солженицына к судебной ответственности и с учетом того, что сказано было здесь, на заседании Политбюро, принять соответствующие меры судебного порядка.

Подгорный. Надо его арестовать и предъявить ему обвинение.

Брежнев. Пусть товарищи Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения и все, как следует, в соответствии с нашим законодательством.

Я бы считал необходимым поручить т.т. Андропову, Демичеву, Катушеву подготовить информацию для секретарей братских коммунистических и рабочих партий социалистических стран и других руководителей братских коммунистических партий о наших мерах в отношении Солженицына.

Все. Правильно. Согласны. В результате обсуждения было принято соответствующее постановление. Но впоследствии по настоянию Андропова отдали предпочтение другому варианту — выдворению за пределы СССР.

Запись хранится в Архиве Президента РФ. Печатается в сокращении.

Как они готовили расправу

Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 7 января 1974 г.

ницына через суд и применить к нему советские законы. Сейчас к Солженицыну едут многие зарубежные корреспонденты, другие недовольные люди. (...) Он использует гуманное отношение Советской власти и ведет враждебную работу беззаконно. Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны. Предварительно мы попросим наших послов проинформировать у правительства соответствующих стран, могут ли они его принять. (...) Брежнев. А если его выдворить в социалистическую страну?

Андропов. Едва ли. Леонид Ильич, это будет принято социалистическими странами. Ведь мы подарим им такого субъекта. Может быть, нам попросить Ирак, Швейцарию или какую-то другую страну? (...)

Суслов. Солженицын обнаглед, оплевывает советский строй, коммунистическую партию, он заманул нас на святая святых — на Ленина. (...) Для того чтобы осуществить ту или иную меру в отношении Солженицына, надо подготовить наш народ, а это мы должны сделать путем развертывания широкой пропаганды. (...) Полянский. Надо сочетать пропагандистские меры и одновременно принимать административные меры.

Громыко. Солженицын — это враг, и я голосую за самые строгие меры в отношении его. (...) Солженицын сейчас надо окружить кордоном, с тем чтобы он эти меры бы и не видел.

ка к нему людей, через которых он может вести пропаганду. (...) Устинов. Я считал бы начать работу по осуществлению предложений, которые внес тов. Андропов. Вместе с тем надо опубликовать пропагандистские материалы, разоблачающие Солженицына.

Подгорный. (...) Давайте посмотрим, что будет более выгодно для нас, какая мера: суд или высылка. Во многих странах — в Китае открыто казнят людей: в Чили фашистский режим расстреливает и истязает людей; англичане в Ирландии в отношении трудового народа применяют репрессии, а мы имеем дело с ярым врагом и проходим мимо, когда обливают грязью все и вся. (...) Демичев. Конечно, шум за рубежом будет, но мы уже опубликовали несколько материалов о новой книге Солженицына. Нам нужно дальше развертывать пропагандистскую работу, так как молчать нельзя. (...) Это, по-моему, не повлияет на разрядку международной напряженности и на общеевропейское совещание.

Катушев. (...) Это враг, и с ним нужно поступить соответствующим образом. (...) Капитонов. (...) Если мы выдворим Солженицына за пределы страны, то как поймет это наш народ? (...) Что мы этим покажем — свою силу или слабость? Я думаю, что мы, во всяком случае, своей силой этим не покажем. (...) Соломенцев. (...) Если бы не внешнеполитические акции, которые осуществ-

лялись бы, конечно, вопрос решить, без промедления. Но как то или иное решение отразится на наших внешнеполитических акциях? (...) Гришин. Тов. Андропову, очевидно, следует поискать страну, которая согласилась бы принять Солженицына. Что касается разоблачения Солженицына, то это надо начинать немедленно. (...) Косыгин. (...) Несколькими лет Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа. Мы его как-то боимся трогать, а между тем все наши действия в отношении Солженицына народ приветствовал бы. (...) Я думаю, что для нас будет меньше издержек, если мы поступим сейчас в отношении его решительно и осудим по советским законам. (...) Нам нечего бояться применить к Солженицыну суровые меры советского правосудия. Возьмите вы Англию. Там уничтожают сотни людей. Или Чили — то же самое.

Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов; там очень холодно. (...) Подгорный. (...) Я считаю, что нашу акцию народ поддержит. (...) Я считаю, что, даже несмотря на общеевропейское совещание, нам нельзя отступать от того, чтобы не применять мер по отношению к Солженицыну. И даже независимо от того, что происходит общеевропейское со-

было бы, конечно, вопрос решить, без промедления. Но как то или иное решение отразится на наших внешнеполитических акциях? (...) Гришин. Тов. Андропову, очевидно, следует поискать страну, которая согласилась бы принять Солженицына. Что касается разоблачения Солженицына, то это надо начинать немедленно. (...) Косыгин. (...) Несколькими лет Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа. Мы его как-то боимся трогать, а между тем все наши действия в отношении Солженицына народ приветствовал бы. (...) Я думаю, что для нас будет меньше издержек, если мы поступим сейчас в отношении его решительно и осудим по советским законам. (...) Нам нечего бояться применить к Солженицыну суровые меры советского правосудия. Возьмите вы Англию. Там уничтожают сотни людей. Или Чили — то же самое.

Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов; там очень холодно. (...) Подгорный. (...) Я считаю, что нашу акцию народ поддержит. (...) Я считаю, что, даже несмотря на общеевропейское совещание, нам нельзя отступать от того, чтобы не применять мер по отношению к Солженицыну. И даже независимо от того, что происходит общеевропейское со-

С детьми и женой
Наталией Дмитриевной

Председательствовал тов. Брежнев Л.И. Присутствовали т.т. Андропов Ю.В., Гришин В.В., Громыко А.А., Кирilenko А.П., Косыгин А.Н., Подгорный Н.В., Полянский Д.С., Суслов М.А., Шелепин А.Н., Демичев П.Н., Соломенцев М.С., Устинов Д.Ф., Капитонов И.В., Катусhev К.Ф.

Брежнев. Во Франции и США, по сообщениям наших представительств за рубежом и иностранной печати, выходит новое сочинение Солженицына — "Архипелаг ГУЛАГ". (...) По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посвятил на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам.

В свое время мы посадили в тюрьму Якира, Литвинова и других, осудили их, и затем все кончилось. За рубеж уехали Кузнецов, Аллилуева и другие. Вначале пошумели, а затем все было забыто. А этот хулиганствующий элемент Солженицын разгулялся. На все он помахивает, ни с чем не считается. Как нам поступить с ним? (...)

Андропов. Я считаю, что Солженицына надо выдворить из страны без его согласия. В свое время выдворили Троцкого из страны, не спрашивая его согласия.

Брежнев. Надо учитывать, что Солженицын даже не поехал за границу за получением Нобелевской премии.

Андропов. Когда ему предложили поехать за границу за получением Нобелевской премии, то он поставил вопрос о гарантиях возвращения его в Советский Союз. Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Он пытается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает ее из бывших заключенных. (...) Я считаю, что мы должны провести Солже-

Как они готовили расправу

Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 7 января 1974 г.

ница через суд и применить к нему советские законы. Сейчас к Солженицыну едут многие зарубежные корреспонденты, другие недовольные люди. (...) Он использует гуманное отношение Советской власти и ведет враждебную работу безразлично. Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны. Предварительно мы попросим наших послов прозондировать у правительств соответствующих стран, могут ли они его принять. (...)

Брежнев. А если его выдворить в социалистическую страну?

Андропов. Едва ли, Леонид Ильич, это будет принято социалистическими странами. Ведь мы подарим им такого субъекта. Может быть, нам попросить Ирак, Швейцарию или какую-то другую страну? (...)

Суслов. Солженицын обнаглел, оплевывает советский строй, Коммунистическую партию, он заманился на святая святых — на Ленина. (...) Для того чтобы осуществить ту или иную меру в отношении Солженицына, надо подготовить наш народ, а это мы должны сделать путем развешивания широкой пропаганды. (...)

Полянский. Надо сочетать пропагандистские меры и одновременно принимать административные меры.

Громыко. Солженицын — это враг, и я голосую за самые строгие меры в отношении его. (...) Солженицына сейчас надо окружить кордоном, с тем чтобы он эти месяцы был изолирован, чтобы не допус-

кать к нему людей, через которых он может вести пропаганду. (...)

Устинов. Я считал бы начать работу по осуществлению предложений, которые внес тов. Андропов. Вместе с тем надо опубликовать пропагандистские материалы, разоблачающие Солженицына.

Подгорный. (...) Давайте посмотрим, что будет более выгодно для нас, какая мера: суд или высылка. Во многих странах — в Китае открыто казнят людей: в Чили фашистский режим расстреливает и истязает людей; англичане в Ирландии в отношении трудового народа применяют репрессии, а мы имеем дело с ярым врагом и проходим мимо, когда обливают грязью все и вся. (...)

Демичев. Конечно, шум за рубежом будет, но мы уже опубликовали несколько материалов о новой книге Солженицына. Нам нужно дальше развертывать пропагандистскую работу, так как молчать нельзя. (...) Это, по-моему, не повлияет на разрядку международной напряженности и на общеевропейское совещание.

Катусhev. (...) Это враг, и с ним нужно поступить соответствующим образом. (...)

Капитонов. (...) Если мы выдворим Солженицына за пределы страны, то как поймет это наш народ? (...) Что мы этим покажем — свою силу или слабость? Я думаю, что мы, во всяком случае, своей силой этим не покажем. (...)

Соломенцев. (...) Если бы не внешнеполитические акции, которые осуществляет сейчас Советский Союз, то можно

наши вернувшись одновременно и в известном обличье труженика и страдальца, и в пугающем нас в еще невиданном доколе образе жертвы кромешного сталинского ада. Мы ужаснулись и удивились, обрадовались несказанно: оказывается, и там, в "мрачных пропасть земли", — увы! далеко не все, — но люди остаются людьми. Здесь-то и восстановлена была связь времен. Здесь литература из мрачных "пропасть" вывела на свет божий и ее величество историю.

Животворная связь с русской классической литературой, оборванная смертью Булгакова, Платонова, разгромом Ахматовой и Зощенко, была восстановлена в полной мере Солженицыным.

Его каторжник, без вины виноватый Иван Денисович, его великомученица Матрена, его интеллигентно-страдальцы и мужественные герои из первого круга ада были провозвестниками новой литературы.

Она уже стучалась в двери и не замедлила ворваться в жизнь — современники Солженицына и младшие собраты углубились в первооснову жизни и, раскрывая социальное зло на самом низу, поддерживая все разумное и светлое, что еще сохранилось в нас, изыскили на свет божий истинные перлы живых и достоверных характеров и типов такого национально неповторимого

двух мощных талантов — Александр Твардовский и Александр Солженицын, которые примером собственного творчества и мужественного поведения своего увлекли и до сих пор увлекают за собой молодые и сильные дарования. Эта литература каким-то особым чудодейственным способом перенесла оттуда, из дальних далей русской классики, необыкновенно высокие требования схождения лиц и жизненных процессов действительности с литературными персонажами и коллизиями наших произведений и непереносного превосходства добра и справедливости перед всеми прочими постулатами и законами словотворчества. Здесь самобытное, нравственное отношение к предмету, как говорил Толстой, доскональное и абсолютное знание его делается обязательным требованием. И с этим требованием блистательно справлялись наши писатели объективного реализма, за какую бы тематику они ни брались — за городскую или деревенскую. Деление их на городских, деревенских, военных — занятие пустое. Что из того, что Абрамов и Шукшин писали о деревне, а Домбровский, Семин, Трифонов — о городе. Воробьев — о войне? По тому, как умели прощупывать они пульс жизни, как живо и точно лепили они достоверные фигуры своих современ-

произведений с трагическим обликом нашей истории спало хитросплетенное словесное покрывало, размазанное плакатной размашистой кистью по вкусу и потребности лукавых временщиков, и мы ужаснулись, глядя в бездонные глазницы ненасытного Милоха.

Солженицын — явление исключительное и в литературе, и в нашей общественной жизни, и в истории нашей, наконец, еще далеко не оцененное да и не до конца понятое. Его книги вызвали восторг одних, ненависть других, судили в основном по сиюминутной реакции, по тому резонансу, который мгновенно вызывало их появление на свет. Но их глубокий смысл, их необычный стиль, порой обманчивый в своей внешней простоте и неповторимый своей оригинальностью, — все это еще недопонято и осознано поверхностно. Серьезных исследователей его творчества ждет немало открытий не только эстетического, но и исторического характера. Его двадцать четыре тома художественного творчества и шестнадцать томов новейшей истории — это целая литературно-историческая держава, осмелюсь привести эту метафору, высказанную в свое время Леонидом Андреевым о творчестве Рериха. И это богатство принадлежит не одному Солженицыну, а всем нам, его читателям.

законодательством надо лишить его возможности связи с границей, пока ведется следствие (...)

Мы в свое время не побоялись выступить против контрреволюции в Чехословакии. Мы не побоялись отлучить из страны Аллилуева. Все это мы пережили. Я думаю, переживем и это. (...)

Я беседовал с тов. Громыко относительно влияния наших мер в отношении Солженицына на общеевропейское совещание. Я думаю, что это не окажет большого влияния. (...)

Поэтому я бы считал необходимым поручить КГБ и Прокуратуре СССР разработать порядок привлечения Солженицына к судебной ответственности и с учетом того, что сказано было здесь, на заседании Политбюро, принять соответствующие меры судебного порядка.

Подгорный. Надо его арестовать и предъявить ему обвинение.

Брежнев. Пусть товарищи Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения и все, как следует, в соответствии с нашим законодательством.

Я бы считал необходимым поручить т.т. Андропову, Демичеву, Катусhevу подготовить информацию для секретарей братских коммунистических и рабочих партий социалистических стран и других руководителей братских коммунистических партий о наших мерах в отношении Солженицына.

Все. Правильно. Согласны.

В результате обсуждения было принято соответствующее постановление. Но впоследствии по настоянию Андропова отдали предпочтение другому варианту — выдворению за пределы СССР.

Запись хранится в Архиве Президента РФ. Печатается в сокращении.

этажный деревянный дом, еще кое-какие вспомогательные постройки. Ну, правда, была огромная (чуть поменьше поляного медведя) белоснежная собака. Но как и полагается у добрых хозяев, она оказалась добрейшим существом, и уже через минуту я чесал у нее за ухом.

Почему я, не запоминающий дат, запомнил, что это было 22 марта? Потому что в доме Солженицыных Наталия Дмитриевна напекла в этот день из теста жаворонков. Известно, что по всей России жаворонков пекли на "Сорок мучеников", то есть 22 марта. В большой семье запекали в одну из "птичек" копеечку. Кому достанется — "на счастье". Нам всем в тот день (Наталия Дмитриевна не покупала) досталось по денежке. Правда, вместо копеечек это были монетки по 10 центов. Ничего уж тут не поделаешь.

Ведь это надо же: напрочь утраченный по всей России обычай встречать весну печеными жаворонками я увидел в Вермонте!

С Солженицыным меня познакомил Александр Трифонович Твардовский. Я знаю, что и всю Россию, и весь мир он познакомил с Солженицыным, но речь идет о личном знакомстве.

Была в Кремле встреча Хрущева с интеллигенцией. Хрущев любил эти встречи. Александр Исаевич дал Твардовскому список: с кем ему хотелось бы лично познакомиться. Они вдвоем ходили по кулуарам среди множества людей и по списку выискивали по одному то или иного кандидата на знакомство. Так они возникли и передо мной.

— А я, между прочим, — сказал Солженицын смеясь, — после ваших "Владимирских проселков" послал вам письмо, будущи еще просто рязанским учителем математики. А вы, между прочим, мне на письмо не ответили...

Владимир СОЛОУХИН Российский вечер в Вермонте

А теперь вот — в Вермонте. Ужин порусски, с водочкой. Правда (влияние Запада), водка переохлаждена до густоты и рюмочки, на мой взгляд, маловаты. Но бутылка была бодрящая, вернее сказать — нормальная, "долгоиграющая".

Из застольного разговора надо отметить два момента. Солженицын спросил: "Ну, а когда меня выслали, не обращались к вам за откликом на это событие? Многие ведь откликнулись. Кое-кого я могу назвать, но — К.?!"

— Я думаю, что у него в последние годы был комплекс Новодевичьего кладбища...

— Разве что...
— Многие дорого дали бы потом, чтобы выскрести со страниц газет свои строки о вашей высылке. Мне тоже звонили, но так как я без промедления сказал "Да нет...", сразу же положили трубку. И вот что надо отметить: мне кажется по интуиции, что трубку положили облегченно и с радостью.

— Вот, дети, — обратился Александр Исаевич к своим мальчишкам, — когда надо ответить твердое "нет", отвечайте и не колеблясь. Это самый правильный путь.

— Да... а Женя Маркин ведь умер. Довели, догнали...

Тихий ангел пролетел над столом. Не

скажу, что Александр Исаевич пустил слезу (не так этот суровый человек), но затуманился он, затуманился.

Женя Маркин был молодой талантливый рязанский поэт. Он опубликовал в "Новом мире" в № 10 за 1971 год стихотворение "Белый бакен". Советские пропагандистские инстанции сразу поняли, о ком это стихотворение, и начали молодого поэта топтать. Там были такие строки (все стихотворение длинновато, чтобы его тут выписывать):

Каково по зыбким водам,
у признанья не в чести,
ставит вешки пародам
об опасностях в пути!

Ведь не зря ему, свисая
с проходящего борта,
машет вездеход — Саян, Исаич! —
незнакомая братва.

Ни надежд уже, ни права...
Ты домой идишь с реки.
Он на левом, ты на правом —
две беды и две тоски!

Кроме того, был в их отношениях (Женя Маркина и Солженицына) еще один горький момент.

Из Союза писателей Солженицына исключили в Рязани. Собрали всю Рязанскую писательскую организацию. Женя

Маркин тоже присутствовал. И вот Солженицын ждал, что Женя не проголосует за исключение. Конечно, один этот голос не спас бы положения. Вопрос был решен выше, в ЦК, в секретариате СП СССР, но душу Маркина этот момент мог бы спасти. Но разве мог он один проголосовать против? А тут еще накануне ему посулили квартиру, которую он ждал много лет... и Женя сломался. Ну, а дотоптать его потом уже не составляло труда...

После ужина (в другой комнате) мы продолжали разговоры, и Александр Исаевич попросил меня (а может быть, я сам напросился, не помню) почитать стихи. В числе других я прочитал стихотворение "Ястреб", написанное в 70-е годы, о птице, поставленной в свое время "вне закона" и подлежащей уничтожению.

Когда я кончил читать, Солженицын внимательно взглянул и сказал:
— А это ведь про меня.

Я вне закона, ястреб гордый,
Вверху кружу.
На ваши поднятые морды
Я вниз гляжу.

Я вне закона, ястреб сизый,
Вверху парю.
Вам, на меня глядящим снизу,
Я говорю.

Меня поставил вне закона,
Вы не учли:
Сильнее вашего закона
Закон Земли.

Закон Земли, Закон Природы,
Закон Весов,
Орлу и пуге пойте оды,
Прославьте сон!

Хвалите рысь и росомаху,
Хорей, волков...
А вы нас всех, единым махом, —
В состав врагов.

Несущих смерть, забывших жалость,
Творящих зло...
Но разве легкое досталось
Нам ремесло?

Зачем бы лгу скакать в погоне,
И грызть, и бить?
Траву и листья есть спокойней,
Чем лань ловить.

Стальные когти хищной птицы
И нос крючком,
Чтоб манной кашкой мне кормиться
И молочком?

Чтобы клевать зерно с панели,
Как голубям?
Иль для любой какой-то цели,
Неясной вам?

Так что же, бейте, где придется,
Вы нас, ловцов.
Все против вас же обернется
В конце концов!

Для рыб, для птиц любой породы,
Для всех зверей
Не ваш закон —
Закон Природы,
Увы, мудрей!

Когда я возвратился в Нью-Йорк и когда мне думалось, что меня ищет чуть ли не ФБР, товарищи по делегации стали спрашивать:

— А ты чего купил?

— Ну... что я купил, вам уже не купити.

Наталия Дмитриевна в целлофановом пакете дала мне с десяток жаворонков, и я стал раздирать их своим kolegам.

Михаилу Дудину — жаворонка, Феликсу Кузнецову — жаворонка, главе делегации — жаворонка.

Конечно, чтобы не смущать, я не ска- зал им, откуда эти жаворонки... Так... из одного русского дома...

В МАРТЕ 1984 года в США выехала группа советских писателей во главе с Николаем Трофимовичем Федоренко. В те годы поочередно то у нас, то у них проводились совместно с американскими писателями так называемый "круглый стол". Скажем, у нас в Батуме, а у них в Лос-Анджелесе. От нас в Лос-Анджелес поехали (всех не вспомнить) Михаил Дудин, Феликс Кузнецов, Давид Кугультинов, Ясен Засурский...

После того как отсидели за "круглым столом", нам показали Вашингтон, а потом на два дня отдали "на разграбление" Нью-Йорк. То есть на разные — по возможности — покупки. В карманах у нас были "шпили", но тем не менее — два дня магазинной суеты.

Для меня судьба этими двумя днями распорядилась по-своему.

Еще в Вашингтоне один русский человек, живущий постоянно в Америке, успел мне сказать: "Александр Исаевич не возражал бы, если бы вы навестили его в Вермонте".

Легкое дело! Во-первых, на двое суток отделиться от делегации. В те времена, если исчезал член делегации, либо турист, либо морячок, либо музыкант, то сразу считалось, что он "предпочел", "выбрал свободу", "попросил политического убежища" со всеми вытекающими из этого последствиями.

Своим доверенным я выбрал Михаила Дудина: "Если меня хватается, скажи, что православные монахи увезли меня в свой Свято-Троицкий монастырь".

Прожужжали все уши, что Солженицын живет чуть ли не в крепости со всякой предохранительной электроникой. На самом же деле все оказалось проще. Мы сами открыли сетчатые ворота и въехали в мартовский лес — имени Александра Исаевича. Среди леса обнаружили двух-